

Глава IV. Вторая гибель Дуррути, или его политическое убийство

Какие бы ни предпринимались попытки для подтверждения прозорливых догадок, никому не дозволено выдвигать гипотезы о гибели Дуррути, оскорбляющие его личность или наносящие вред организации, которой он посвятил лучшие годы своей жизни.

Дискуссии, разгоревшиеся вокруг его смерти, не связаны именно с этим фактом гибели, а с природой борьбы, которую в те годы вёл рабочий класс Испании, и с революционной позицией самого Дуррути. Другими словами, такие дебаты имели отношение к процессу «революция — контрреволюция», начавшемуся в испанском обществе в последних числах сентября 1936 года. В силу своих человеческих качеств и непримиримого революционного характера, пронизывающего его поступки в рамках отката революции назад, Дуррути представлялся как личность, с которой связывали возможность для изменения событий, с тем чтобы рабоче-крестьянский класс вновь встал на тот путь, который он начал 19 июля 1936 года. Его личность выделялась как символический указующий маяк в том смысле, что не всё ещё потеряно и что если борьба продолжится, в Испании вновь станет возможной рабоче-крестьянская революция. Его гибель наверняка воспринималась как роковое событие, ужасный удар, нанесённый революционной надежде. Тем временем осенние дни 1936 года несли на себе смутный отпечаток, и на горизонте вырисовывались признаки будущих тягостных событий. В октябре, с принятием декрета о милитаризации, было положено начало моральному разоружению революционных милиций, особенно в Арагоне. Война постепенно теряла свой революционный смысл и превращалась в столкновение националистского характера. На сценарии сражений в Испании уже ясно прослеживалась контрреволюция, возглавляемая Коммунистической партией. Гибель Дуррути при обстоятельствах, как, например, в результате шальной пули или глупого несчастного случая — а не в контексте сражения на линии фронта — открывала путь для любых предположений: личность Дуррути, чувства народа требовали наиболее подходящего сценария, чем тот, который был отведён ему судьбой. В этом вся суть. Тем не менее не только в этом. И дело не только в этом именно потому, что сразу же после гибели Дуррути приступили к его политическому и моральному убийству. Дуррути, несмотря на свои убеждения, был лидером; мы уже писали, что он представлял для своего народа воплощение его революционных устремлений. Наступление контрреволюции началось после его смерти; создавалось впечатление, что его убили, потому что он являлся преградой на пути контрреволюции. Народная душа переживала такие чувства. На самом деле, независимо от того, каким образом произошла его смерть, она шла на пользу

контрреволюции.

Контрреволюционная политика, которую тотчас же начали проводить в жизнь Коммунистическая партия Испании и Объединённая социалистическая партия Каталонии, без каких-либо сомнений указывала на то, что гибель Дуррути была им на руку. Коммунистическая партия считала себя победительницей; с объективной точки зрения можно было оценивать её как морального убийцу. Однако простые люди, желающие положить конец страданиям, навязанным буржуазной системой, не видят разницы между моральной и физической мукой. Сектантство Коммунистической партии в контексте манипуляций московских стратегов совершило грубую ошибку, присваивая себе личность Дуррути, обесценивая его либертарные идеи или, ещё хуже, намекая на то, что убийцы Дуррути находились среди «авантюристов из числа классических анархистов». Подавая дебаты в таком ключе, гибель Дуррути никогда бы не смогла быть разъяснена и превратилась бы в историческую тайну для тех, кто придерживается идеи: «дважды два — четыре». Однако для нас, знающих, что временами «дважды два может быть пять», гибель Дуррути не представляет из себя никакого секрета: погиб анархист, сражаясь за социальную революцию; он пал жертвой контрреволюции, как Нестор Махно в своё время оказался жертвой коммунистов в России или как Густав Ландауэр пал от рук Носке в Германии.

Политическое убийство Дуррути имело место 25 апреля 1938 года, когда Хуан Негрин, глава Совета Министров и министр обороны страны, посмертно присвоил Дуррути звание подполковника Республиканской народной армии:

«Исполняя постановление Совета Министров и ввиду огромных заслуг гражданина Буэнавентуры Дуррути и Домингеса перед Республикой в военной сфере, который пал смертью храбрых 20 ноября 1936 года, на линии обороны Мадрида, командуя колонной, я принял решение присвоить ему звание майора милиций; постановление входит в силу 19 июля 1936 года. Наряду с этим, в качестве признания его героической службы на войне, я присваиваю ему звание подполковника; оно входит в силу со дня его гибели, 20 ноября 1936 года. Барселона, 25 апреля 1938 года. Подпись: Хуан Негрин, Президент Совета министров и министр обороны Испании»³⁷.

Читая страницы этой книги, вы наверняка смогли уловить отношение Дуррути к милитаризации, его сопротивление этому процессу. Ещё ранее, в октябре, он отказался от чина майора Милиций, которым наградил его Франсиско Ларго Кабальеро. Когда он погиб, его звание было «всеобщий делегат колонны “Дуррути”». Присвоить ему чин подполковника «за заслуги перед Республикой» явилось самым большим оскорблением, которое можно нанести памяти революционера и в отношении Рабочих милиций.

Его политическое убийство, как мы уже сказали, началось сразу же после смерти. «Дуррути — герой»; «Дуррути — вождь народа» ... Таким образом его лишали либертарной и анархистской сути. Однозначная мистификация его борьбы и политическая манипуляция его личности с целью маскировки наступления контрреволюции. Вплоть до апреля 1938 года, ввиду распоряжений военного порядка, рабочие — делегаты колонн «милисьянос» могли претендовать только на звание майора, что не являлось препятствием для командования

дивизиями и даже армейскими корпусами. Но Коммунистическая партия, по мере того как советское государство, по причине «политики невмешательства», постепенно принимало участие в испанском конфликте и одновременно являлось банкиром страны, ставила перед собой цель абсолютного контроля над армией, насаждая в её ряды членов партии в чине генералов. Но как преодолеть барьер уже существующих инструкций и не войти в открытый конфликт с остальными группами «антифашистского блока»? Дуррути был «идеальным вождём», никто бы не протестовал по причине присвоения ему награды за его «образцовое поведение». Чин подполковника являлся актом «справедливости» в отношении милиций и одновременно служил оправданием для присвоения таких же званий многочисленным активистам, уже намеченным КП. Одним выстрелом поражали двух журавлей: убивали Дуррути в политической сфере и укрепляли власть КП в армии. Операция была достойна самого Макиавелли. И она принесла плоды.

Имя Дуррути под влиянием заинтересованной пропаганды со стороны всех партий превратилось в военную догму. Для исполнения любой контрреволюционной меры произносили имя Дуррути, приводя якобы ему принадлежащую фразу: «Мы отрекаемся от всего, только не от победы». В контексте войны эти слова превратились в самый мощный лозунг. Даже в самом Совете министров, реагируя на протест какого-либо министра НКТ против меры, вредящей интересам пролетариата, политические противники заставляли их отступить, цитируя категоричные слова, приписываемые Дуррути, «народному вождю»: «Что сейчас важно, так это победа, а революцию мы откладываем на потом. Разве это не есть последняя воля нашего дорогого Дуррути?»

Манипулирование памятью «народного героя» было настолько очевидно, что Эмилианне Моран была вынуждена заявить, что «отказывалась от высокой чести в её адрес», состоящей в присвоении ей звания «подполковницы»:

«Мы думаем, что не изменяем памяти Дуррути, когда утверждаем, что до последней минуты жизни, как и в его молодые годы, он был бесстрашным анархистом. Это — не поверхностная память, ведь уже не является секретом, что различные политические круги пытаются присвоить себе исключительное право пользования бесспорным авторитетом героя Арагона и Мадрида.

Предприняты попытки превратить его в великого военного деятеля, убеждённого в необходимости железной дисциплины и даже с удовлетворением принимающего милитаризацию, о которой уже шла речь в ноябре 1936 года. Его последние слова — «мы отрекаемся от всего, но только не от победы» — превратились в лозунг для бойцов, однако каждый понимает их по-своему, в зависимости от политических нужд их организаций или партий.

Я не намереваюсь вступать в полемику, потому что настоящее время — не для споров, но ввиду противоречий и неясных толкований мне хотелось бы выразить своё мнение. Когда Дуррути говорил о победе, он имел в виду, без сомнения, триумф народных милиций, побеждающих фашистские орды, так как отвергал идею военной победы буржуазной Республики, которая не привела бы к какому-либо преобразованию общества.

Я неоднократно слышала от него:

“Нам не стоит надевать солдатскую форму, если это послужит для прихода к власти республиканцев 1931 года. Мы принимаем уступки, но никогда не забываем о необходимости одновременно вести военные действия и совершать революцию”.

Дуррути никогда не забывал о своём прошлом, о драме преследований НКТ и ФАИ — это оставило в его памяти кровавые следы. Он не доверял республиканским политикам и отказывался называть антифашистами таких деятелей, как Асанья. Одним словом, он был уверен, что испанская буржуазия, примкнувшая к рядам республиканцев, не упустит случая воспрепятствовать без какихлибо колебаний, даже в разгар войны, революционным завоеваниям пролетариата. К сожалению, сами факты подтверждают это...

Дуррути испытывал ужас и отвращение к бюрократии, и в его знаменитой речи в Барселоне перед выходом на линию фронта Мадрида он горячо предупреждает об опасности коррупции, уже начавшей проявляться в тылу; он пытался разоблачить бюрократический паразитизм. К несчастью, Дуррути не прожил долгое время... и бюрократизм конформистов окреп с открытым бесстыдством...

Однако мысль, душа Дуррути — разрешите мне использовать это слово — всё ещё живут в сердцах испанского пролетариата, который, несмотря на все муки, не забывает этот призыв. И именно поэтому мы верим в революционную мощь пролетариата Иберии; он сможет в определённый момент освободить себя от “лидеров” и “правителей”. Пусть беспорядок в рядах Народного фронта Франции заставит задуматься наших испанских братьев: пусть они не надеются на помощь “великих демократий” Европы. Огромный поток сочувствия по отношению к борцам за свободу не выходит за рамки пассивного и слезливого сентиментализма.

Дуррути имел в виду нашу победу; мы не можем прийти к ней без помощи пролетариата Франции, без какого-либо покровительства со стороны партий и невзирая на соображения национального характера. Мы не теряем надежды, что в конце концов французский пролетариат придёт к пониманию его настоящего классового долга и освободит себя от “перерыва”, который с некоторых пор навязывают ему “лидеры”»³⁸.

Версия #2

Зверобой создал 28 июля 2025 22:28:12

Зверобой обновил 28 июля 2025 22:33:22